

Глава 4

Манихейское монашеское движение

20 мая 242 года, во время празднования, посвящённого коронации царя Шапура I, толпы на улицах и площадях Селевкии-Ктесифона впервые услышали проповедь новой религии. Многие услышали эту проповедь из уст пророка новой религии, молодого человека по имени Мани. Для него же самого это было вступлением в новую роль проповедника и началом грандиозного успеха его новой религии — достаточно скоро движение Мани глубоко укоренилось на всём сирийском Востоке. Как при рассмотрении истории сирийского христианства невозможно обойти вниманием ту роль, которую манихеи играли на сирийском Востоке (тогда казалось, что в борьбе с христианством манихейство может и победить), точно так же не следует пренебрегать влиянием этого движения и на историю аскетизма и монашества. Влияние манихейства на формирование аскетизма было не меньше, чем на религиозную эволюцию сирийского Востока в целом, поэтому нам необходимо посвятить целую главу монашескому движению, сформированному манихейством.

1. Основания

Поскольку основанием для возникновения обычаев часто служат те или иные религиозные взгляды, то и для понимания этих обычаев в первую очередь следует обратиться к лежащим в их основе взглядам и верованиям. Поэтому прежде чем исследовать созданный Мани аскетический феномен аскетизма, его формы и способы выражения в реальной жизни, нам следует вкратце

познакомиться с его религиозной системой. Только так мы сможем оценить размах и влияние этого явления.

В основе религиозно-философской системы манихейства лежат своеобразные космогонические мифы. Миф о возникновении вселенной подразумевает, что важную роль в сотворении мира сыграли демонские силы. Злое начало предшествовало всему, что возникло. Согласно комментарию Шканд-виманик вичара (*Škand-vimānik vičār*), «мир является телесным созданием Аримана». Частицы света были насильно заключены в это скопление материи демонического происхождения, что стало ужасным событием, имеющим далеко идущие последствия. Таким образом, создание всей вселенной представляет собой безусловное зло, так что всё творение с самого момента своего возникновения несёт в себе черты испорченности. Жизнь, мир, космические события, продолжение существования вселенной, сеяние и жатва, продолжение жизни человеческого рода — всё это само по себе плохо. По существу, это лишь являет попытку силы тьмы навсегда удержать частицы света, заключённые здесь из-за продолжения жизни человеческого рода, и всеми способами помешать им вернуться в мир света.

Следствием такой картины мира становится возникновение радикального аскетизма — только с его помощью можно освободить частицы света, заключённые в теле, чтобы они смогли беспрепятственно вернуться из низшего мира в своё исконное место в мире света.

Это враждебное отношение к миру существует не только на вселенском уровне. Подобно тому как вся вселенная, макрокосм, находится в состоянии внутреннего противодействия, так же обстоит дело и с микрокосмом. Человек тоже является созданием тёмной силы, причём он

представляет собой точное подобие макрокосма. Противодействие космических враждебных сил друг другу проникает и в бытие человека и приводит к тому, что его начинает разрывать и раздирать на части. Мани заимствовал у христиан (а он заимствовал у них очень много и помимо этого) учение о трихотомии человека — представление, согласно которому человек состоит из тела, души и духа. Мани добавил к этому учению утверждение о том, что эти составные части человека разделены между двумя дуалистическими началами. Это привело к возникновению яростной полемической литературы среди христианских авторов, которые полностью отвергали идею о том, что человек может быть творением злого начала. По свидетельству церковных авторов, а также иранских источников, творец тела в учении Мани назывался демоном или дьяволом. Имеется также гимн манихейского происхождения, в котором о создании человека говорится следующее: «из грязи демонов и из испражнений дьяволиц она ($\bar{A}z$) составила это тело, и она сама вошла в него». Таким образом, человеческое тело в глазах манихеев было полностью скомпрометировано. В манихейских псалмах телу давались различные эпитеты — «горькое подобие», «творение ада», «тёмный дом» — все они отражают презрение к телу и уверенность в том, что тело обречено на уничтожение.

Теперь мы можем оценить, насколько глубоко аскетические принципы укоренены в богословской системе манихейства, — именно поэтому аскетизм стал системообразующим основанием манихейской практики. Если всё видимое и телесное является выражением злого начала, то единственным путём к освобождению и

спасению становится отречение от мира и суровое умерщвление плоти.

Тем не менее, сколь бы последовательными ни были взгляды Мани, жизнь внесла свои коррективы. Опыт показывал и предсказывал, что от всех адептов нельзя будет требовать полного отречения от мира. Это практическое соображение заставило Мани образовать внутренний круг — специальную категорию мужчин и женщин, которые были готовы отказаться от земных благ и посвятить себя высшим идеалам спасения и служения. Они и были теми избранными, которые составляли монашеское движение манихеев.

В своих «Главах» Мани посвящает несколько строк возникновению монашеского идеала, приписывая его откровению. Он сообщает, что в правление Ардашира (226–241) — точный год не указывается — «живой утешитель» сошёл к нему и сообщил ему откровение о тайне монашества, а также ряд космических и космогонических идей. Именно откровение стало причиной того, что Мани воззвал монашество к бытию. Это торжественное сообщение, однако, достаточно уязвимо для критики, поскольку совершенно непонятно, на чём Мани основывает уверенность в своей оригинальности. Гораздо разумнее было бы применение к вопросу о возникновении монашества того же принципа, который он считал подходящим для других аспектов своей религии. Он сам признаёт, что заимствовал те или иные элементы из других религий, в особенности из буддизма, христианства и зороастризма. Кроме того, очевидно и влияние той среды, из которой он происходил.

Мы достаточно точно знаем наименования монахов-манихеев на разных языках. Как известно, Мани написал

основные свои сочинения на сирийском. По-сирийски он обозначал монахов словом *zaddīqā* (то есть «праведник»), монахинь — *zaddīqtā* («праведница»). Мы знаем также, какое слово он использовал для этого в персидском — а часть его сочинений была написана на этом языке. По счастливой случайности среди документов, найденных в Туркестане, имеется один лист, содержащий текст на юго-восточном иранском языке; этот текст, по-видимому, восходит к самому Мани. Монахи в этом сочинении называются висадаган (*wišīdagān*), что означает «тот, кто избран», — термин употребляется в этом значении в дошедшем до нас объёмном сочинении на персидско-парфянском языке. Этот термин позже стал популярным в других языках Востока и Запада.

Как видно из этих свидетельств, Мани связал основанное им монашество с идеей собрания избранных. Но, помимо этого, есть и другое слово, используемое для этих целей достаточно часто и заимствованное во многие восточные языки, — *din-dar*. Этот термин, означающий «тот, кто придерживается (какой-то) религии» (*qui observat religionem*), отсутствует в западно-иранских фрагментах из Турфана. Ещё одно широко распространившееся обозначение — *dinaver*, которое значило «верующий» на языке Центральной Персии.

Помимо этих наиболее распространённых обозначений, существовали и другие названия и самоназвания монахов. Термин «девственник» появляется достаточно часто в восточных фрагментах текстов и в гимнах, большую известность он получил благодаря использованию в сохранившейся греческой манихейской надписи.

Вступлению в монашескую жизнь предшествовал обряд принятия, который, по-видимому, существовал с самого начала, а впоследствии вобрал в себя новые элементы. Как всё это происходило в самый ранний период, мы не очень хорошо себе представляем. Мы знаем лишь, что важнейшей частью обряда принятия была клятва, с помощью которой вступающий посвящал себя новым высоким целям.

Мы больше знаем об обете, который принимали те монахи, которые допускались в общество избранных. Правила, которым монах предавал себя, были включены в некий сборник предписаний, который долгое время передавался из поколения в поколение. У нас есть достаточные причины для того, чтобы полагать, что основные его черты сохранились в более поздних документах. По-видимому, Мани сам формулировал предписания для своих монахов, однако, к нашему сожалению, этот его труд до настоящего времени не был обнаружен. Возможно, уже сам Мани разделил эти предписания на несколько частей — т. е. на пять заповедей и три «печати».

В отношении трёх «печатей» Августин сообщает нам, что это были «печать на уста», «печать на руки» и «печать на лоно» (*signaculum oris, manuum et sinus*). Один из подлинных фрагментов, найденных в Турфане, подтверждает это, говоря о трёх печатях, — печати на руки, на уста и на мысли. По поводу значения этих печатей не может быть сомнений. Первая печать, *signaculum*, воспрещала нечистую речь и ложь; вторая — запрещала дела, а третья — мысли, которые не находились в согласии с миром света. Не раз отмечалось, что эти три основных

аскетических предписания Мани были заимствованы им из буддийской традиции.

Вместе с тем, всё не так просто в отношении этих предписаний. Новооткрытые тексты отчасти проясняют ситуацию, однако поскольку их изучение находится всё ещё на той стадии, когда нет полной ясности в их понимании, это, в свою очередь, создаёт новые проблемы. Первая заповедь содержит предписание о правдивости; вторая — об удалении от ошибок (которые могли иметь как моральный, так и ритуальный характер); третья требовала подобающего отношения к религии; четвёртая — чистоты речи; пятая — бедности. Одни из заповедей по своему характеру — духовно-нравственные, другие — совершенно материальные, относящиеся к телу. Нравственные предписания в основном касаются запрета лжи, гнева, мести, злорадства и прочих низких страстей. Вместо этого следует жить так, чтобы гнев побеждался любовью, подозрение — уверенностью, опрометчивость — терпением. Среди практических добродетелей самой важной считалось смирение, поскольку оно позволяет вместо гордости и надменности стяжать самоконтроль, а вместо оскорблений — терпение. На сохранившихся манихейских миниатюрах монахи изображены таким образом, что своей позой они выражают смирение.

С другой стороны, монашеские предписания включали в себя набор аскетических установлений. Нет необходимости углубляться в отдельные правила, поскольку некоторые предписания зачастую были разделены на несколько правил и сопровождалась указаниями духовно-нравственного характера. Главная же причина для этого состоит в том, что нам следует наиболее

полно рассмотреть аскетические практики, основываясь на возможно более широком наборе доступных источников.

2. Аскетические практики

Одним из первых монашеских аскетических установлений, которое иногда даже использовалось в качестве наименования монахов, было девство. Чтобы осмыслить этот факт, необходимо взглянуть на манихейскую космогонию. В Адаме преобладают частицы света, в то время как Ева наполнена частицами тьмы. Такое отношение к женщинам становится понятным, если вспомнить, что к библейской истории сотворения женщины в манихействе были сделаны добавления, цель которых состояла в уничтожении и дискредитации женской природы. Это объясняет, почему женоненавистничество было характерно по меньшей мере для части монахов; известно, что общаясь с женщинами, манихейские монахи обращались с ними как с низшими существами.

Вместе с таким отношением к женщинам вообще всё относящееся к половой сфере стало позорным. Некоторые сохранившиеся тексты на пехлеви дают возможность узнать принятые в манихейских кругах взгляды: «а создаёт и поддерживает телесные творения во всём бытии материи Ариман — по этой причине неразумно способствовать рождению и производить потомство; ибо поддержание рода людей и скотов и истощение в их телах жизни и света представляет собой соработничество Ариману». Если даже, в зависимости от обстоятельств, для обычных верующих могли делаться послабления, монахи, разумеется, ни при каких условиях не могли допустить сотрудничества с Ариманом. Таким образом, нетрудно понять, почему столь многие использовали оскотление.

Следующее место вслед за девством занимает бедность. Манихеи полагали, что богатство таит в себе великую опасность: тот, кто богат в мире сем, после оставления своего тела будет наказан — он будет помещён в тело бедняка и обречён на жизнь попрошайки. По этой причине заповедь о бедности обрела в монашеской среде довольно радикальную форму. Монахам не позволялось иметь какое-либо имущество — они должны были жить в совершенной бедности. Всё, чего обычный человек желает в своей земной жизни, не должно было иметь для них никакой ценности. В монашеских предостережениях опасность от имущества объявлялась столь же великой, как и опасность от жены.

Но даже на этом заповедь о бедности не заканчивалась. Необходимо было отказаться также от всех семейных и родовых связей, которые присущи человеку по самой его природе. Следование этому идеалу манихейские монахи называли «святой» бедностью, с которой они связывали размышления о счастье и радости.

Тот же ригоризм, требовавший радикальной бедности, проявляется в том, что монахи не могли исполнять никаких обязанностей, даже относившихся к церковной общине. Они также отказывались от продолжительной мирной жизни в одном месте и должны были вести жизнь бродячих аскетов. Характерной особенностью манихейских монахов стали именно эти неутомимые странствия. В более поздних документах этот идеал бедного бродячего монаха переосмыслиется как главная монашеская обязанность. Даже в дни Аль-Джахиза (*al-Džahiz*, 776–868/9), по его свидетельству, следование этому идеалу было характерной особенностью манихейского монашества.

Странствовать можно было только пешком, поскольку манихеям было запрещено использовать животных. Если человек ехал на лошади или на каком-либо другом животном, верхом или в повозке, то это означало, что он ублажает своё тело. Среди обличений, сказанных по случаю схизмы внутри манихейства Микласией (*Miklāṣia*) в адрес Михри, самым серьёзным нарушением аскетических установлений было то, что он ездил на муле.

Аскетический подход к жизни определял и правила питания, играющие важнейшую роль в борьбе с телом. В то время как для обычных верующих выбор между различными видами пищи не составлял проблемы, для монахов существовали определённые правила. Из 6-го тайноводственного поучения Кирилла Иерусалимского известно, что манихейским монахам были дозволены далеко не все виды пищи. Наиболее жёстко запрещались мясо и все виды животной пищи. Дозволялась лишь растительная пища, поскольку учение о её превосходстве по сравнению с мясной пищей было укоренено в космологических верованиях манихеев.

Обычной пищей монахов был хлеб, который иногда ели с солью. В остальном, пища состояла по большей части из фруктов: сохранившийся латинский анафематизм перечисляет длинный список различных фруктов. По счастливой случайности манихейское монашеское меню сохранилось на миниатюре, изображающей праздник Бемы: на треножник помещено плоское блюдо, на котором легко различить дыни и виноград, перед блюдом расположен стол с множеством хлебов и пирогов.

Что касается питья, то, разумеется, были запрещены вино и вообще все алкогольные напитки. В глазах манихеев вино было подобно желчи князя тьмы. Молоко также было

запрещено. Таким образом, кроме свежих фруктовых соков можно было употреблять только воду. Внешние наблюдатели манихейства свидетельствуют, что основным питьём была вода. В Кодексе Феодосия приводится наименование монахов, соответствующее этому ограничению.

Даже ту пищу, которая была разрешена, монахи могли есть лишь в очень небольших количествах, так что они должны были ощущать постоянный голод. Они не могли иметь запасов пищи и вообще должны были использовать её как можно меньше. Более позднее свидетельство о том, что монаху разрешалось иметь не более чем однодневный запас пищи, безусловно восходит к древней традиции. Разрешалось при этом иметь пищу, достаточную только для одной трапезы, — известно, что точно так же поступали и буддийские монахи.

Кроме этих общих постоянных ограничений, существовали ещё и посты, игравшие важную роль в деле умерщвления плоти. Мани предписывал посты даже простым верующим, однако продолжительность постов у них была небольшой — согласно Чуастуанифту, она достигала 50 дней в год. Монахи, конечно, должны были в этом вопросе далеко превосходить достижения обычных верующих. Известно, что манихейские монахи вызывали всеобщее восхищение и привлекали внимание тем, насколько строго они постились и каких результатов достигали на этом поприще. Тит Бострийский, Кирилл Иерусалимский и Марута Майферкатский рассказывают об их беспощадном и непрерывном посте. Неизвестно, были ли случаи, чтобы суровым постом монахи доводили себя до смерти (такие случаи известны среди буддийских монахов), однако, в любом случае, они обретали широкую

известность. Рассказы о них, истощённых, с выпирающими от поста костями, сохранились в нескольких источниках. Ефрем Сирийский в своих *мемах* против еретиков говорит, что манихеи привлекали всеобщее внимание благодаря своему бледному цвету лица. Августин сообщает, что все они в равной мере заслуживали бы обещанного в Евангелии, испытывая голод и жажду, но что они уже могут быть узнаны по своей худобе и бледному цвету лица.

Одежда монахов, разумеется, тоже должна была следовать аскетическим установлениям. В нескольких источниках сохранились свидетельства о том, что монахи должны были довольствоваться той одеждой, которая была на них. В более поздних источниках имеется сообщение о том, что им позволялось менять одежду лишь раз в год, однако мы не можем сказать, восходит ли этот обычай к самому Мани.

Одеяния монахов должны были соответствовать их взглядам. Материя, из которой они были сделаны, не могла быть особенно мягкой или слишком удобной, а внешний вид и покрой должны были отвечать общему принципу скромности. Украшения на одежде были запрещены. Обычная манихейская монашеская одежда представляла собой длинное, достигающее до земли одеяние: по нему монахов часто называли «долгополыми» (буквально «имеющие длинную одежду»). Подобно манихейскому клиру, они предпочитали белые одежды; в гимнах они называются «одетыми в белое», «светоносными агнцами» и «голубями с белым оперением». Изображения монахов сохранились на манихейских миниатюрах. На многофигурных изображениях их легко отличить от священников, которые украшены венками и орнаментами.

Монахи одеты в белые одежды, их головные уборы — того же цвета.

По-видимому, манихейские монахи не очень строго придерживались правила о цвете одежд. В восточных источниках имеются свидетельства о том, что они могли носить одежды чёрного цвета. По-видимому, им приходилось иногда сообразовывать свой внешний вид с конкретной ситуацией, чтобы не слишком выделяться.

В источниках имеются не вполне ясные данные, которые можно понять в том смысле, что среди части монахов существовал обычай шить свои одеяния нарочито небрежно из лоскутов и лохмотьев. В документах самих манихеев об этом нет данных, однако ряд церковных авторов об этом упоминают. Подобные намёки имеются в сочинениях Мари, который, конечно, взял их из повествования, связанного с жизнью Мар Бавоя, ставшего католикосом в 457 году. Вдобавок, имеется указание в Кодексе Феодосия, где появляется термин *saccophores*; это говорит о том, что манихейские монахи были знамениты своими убогими и истрёпанными одеждами. По-видимому, и в этом проявлялась их способность приспосабливаться к ситуации.

Помня обо всём этом и, в особенности, учитывая взгляды манихейских монахов на всё, что связано с телом, мы вряд ли могли бы ожидать от них сколько-нибудь заметной заботы о телесных нуждах. Поскольку тело является бесполезной вещью, нет никакой нужды стараться спасти его в случае болезни. Монахам особенно строго запрещалось использовать лекарственные снадобья. Сохранился текст монашеской исповеди, который несомненно основывается на древних традициях. В нём в числе запрещённых деяний называется использование

лекарств. Тело было предназначено только для умерщвления. Подобно тому как оно не нуждалось в подходящей пище, так же не следовало заботливо покрывать его одеждой, давать ему отдых в постели или же ублажать его каким-то иным способом — всё это было запрещено даже в случае болезни.

Пыль и южный зной делали мытьё процедурой, необходимой для поддержания чистоты и здоровья тела. Буддийским монахам предписывались частое мытьё тела и стирка одежды. У нас есть причины подозревать, что манихейские монахи отказались не только от обсуждённых выше способов заботы о теле, но и от гигиены. В учении Мани вода принадлежала к числу пяти священных элементов, в отношении которых существовали специальные предписания. В фрагменте М 49 сохранилось предостережение, чтобы слушающие как можно меньше прикасались к воде, поскольку через прикосновения она осквернялась. Такие предостережения были необходимы для простых верующих, про которых заранее было понятно, что им трудно следовать подобным правилам; при этом очевидно, что монахи должны были исполнять эти правила гораздо более тщательно и скрупулёзно. Так что, по-видимому, для монахов это означало полный запрет мытья. Интересно отметить, что столь радикальные взгляды Мани были противоположны тем взглядам и обычаям, в которых сам он вырос.

Если проточная вода не могла использоваться для мытья, то что можно сказать по поводу дождевой воды? Она, безусловно, не принадлежала к категории священных элементов, поскольку в манихейской космогонии источником дождевой воды было не светлое начало, но деятельность демонов. Однако при этом возникают другие

трудности, которые не позволяли использовать дождевую воду для мытья, по крайней мере, монахам. Фантазии относительно источника происхождения дождевой воды были слишком ужасающими для того, чтобы её можно было использовать для чего бы то ни было. Считалось, что дождевая вода происходит из истечений тех демонов, которые прикованы к небесной тверди. Женские демоны появлялись перед мужскими демонами, вызывая их возбуждение, следствием которого и был дождь. Понятно, что никто из чистых и духовных не мог использовать вещество, имеющее такое происхождение. Очевидно, что они, напротив, готовы были любыми способами избежать этого. Манихейская книга исповедей говорит, что для монаха грех прикасаться к дождю, снегу или росе.

В этом контексте становятся понятны немногие сохранившиеся в наших источниках предостережения против мытья. Акты Архелая передают его в следующем виде: мытья следует избегать, поскольку оно отягощает душу проступками. Неизбежной, таким образом, становится жизнь в грязи и нечистоте. Христианские источники сообщают о манихейских монахах, что если мытья никак нельзя было избежать, для него использовалась моча.

В вопросе о запрете мытья Мани, очевидно, предпочёл примеру буддийских монахов, которые презирали грязь и сохраняли себя чистыми, тех людей, которые с незапамятных времён бродили по Индии. У них были длинные волосы, одеты они были в отвратительные лохмотья, ногтей не стригли и были покрыты грязью и пылью. Против всего этого ранее протестовал сам Будда — он полагал, что такое поведение не приносит пользы душе человека, однако постоянно побуждает других людей к подражанию.

Вершиной всех этих способов доставления неприятностей телу, которое почиталось принадлежностью демонов, было отношение к опасностям для жизни, происходившим от людей или от диких животных. Эти опасности могут привести к преждевременной смерти человека, таким образом освобождая душу от её связи с «низменным телом». Ефрем сообщает об этом в важном отрывке среди своих полемических рассуждений: «И если последователи Мани не бегут от разбойника, чтобы найти убежище в крепости или за стеной, давайте спросим: потому ли это, что их тела неуязвимы? И если они ожидают этого, дабы быть убитыми и получить возможность спастись из тела...».

3. Религиозные практики

До настоящего времени мы рассматривали аскетическую сторону манихейской монашеской жизни. Теперь же мы обратимся к вопросу о занятиях монахов и монахинь, чтобы понять, как они проводили своё время.

Монахи посвящали настолько значительную часть своего времени молитве, что можно говорить о молитвенном культе, который заслонил собой все прочие культовые действия. В этом отношении даже обычным верующим нельзя поступать по собственному усмотрению, поскольку молитва упоминается как основное средство для освобождения частиц света, дабы они могли отделиться от тел и воскреснуть. Частуанифт говорит о четырёх установленных временах для молитвы, которых должны были ежедневно придерживаться слушающие. Тому, что обычные верующие должны были выполнять лишь в ограниченном объёме, монахам следовало посвящать себя в гораздо большей степени. Для них добавлялись ещё три

часа для молитвы, которые относились к ночному времени и соединялись с ночным богослужением. Позже мы рассмотрим этот вопрос подробнее.

Важно отметить, что длина этих молитв была очень значительной: предписания делали акцент на том, что молитва должна быть долгой и продолжительной. Тит Бострийский упоминает о длинных молитвословиях, которые занимали бóльшую часть времени этих монахов. Взглянуть на то, насколько большое значение монахи придавали молитве, позволяют согдийские тексты. Мы видим уставших и ослабевших монахов, старающихся победить сонливость, для того чтобы исполнить правило о временах молитвы; эти правила необходимо было выполнять в любых условиях, даже в путешествии. В одном исповедальном тексте монах, говоря о своих грехах, упоминает о тех случаях, когда ему приходилось опускать молитвы, — по непредвиденным обстоятельствам, по болезни или из-за боли, утром или вечером, ночью или днём, в путешествии или в городе.

Манихейские монахи соединяли молитву с покаянием и простираением ниц, всё вместе составляло единую систему. Простираение ниц сопровождалось славословиями, которые надо было произносить лёжа на земле. Эти славословия были различными, меняясь по мере продолжения простираений ниц.

Другую часть своего времени монахи посвящали возглашению гимнов; вместе с молитвой это считалось самым важным из монашеских занятий. Сам Мани подготовил для своих монахов подходящие материалы. В своих «Главах» он перечисляет, помимо основного своего труда, псалмы и молитвы, которые он составил. Судя по тому изобилию фрагментарных и более полных текстов

гимнов и псалмов, которые сохранились на различных языках Центральной Азии, подобная литература должна была быть весьма обширной.

Помимо этого, мы знаем, что по крайней мере некоторые из гимнов исполнялись громко, — в манихейских псалмах о «добродетельном собрании праведных» (то есть монахов) говорится как о собрании сладкозвучных певцов. Не только гимны и псалмы, но и другие произведения Мани исполнялись громким голосом.

В ежедневном распорядке дня монахов достаточно времени уделялось для размышлений. В более поздних текстах сообщается даже, что монахи не теряли ни единого мгновения зря и использовали всё свободное время для размышлений. После исполнения гимнов монахи повторяли их про себя и таким образом заполняли время между чтением вслух и молитвой. Размышления были столь же обязательными, как и молитва. Постоянно повторяется правило о том, что чистый избранный (*dindar*) должен пребывать в размышлениях.

Содержание этих размышлений можно реконструировать на основании тех намёков, которые встречаются в сохранившихся документах. Безусловно, значительную часть составляли размышления о космогонической драме, а также о других частях богатой манихейской мифологии, в особенности о тех, которые описывали постоянную борьбу за освобождение частиц света по всей вселенной. Пребывающие в размышлениях использовали эти мифы для укрепления своего религиозного рвения. Отсюда могли рождаться мысли о пагубном супостате, который может тайно искушать их, склонить к неподобающим поступкам и сделать виновными, несмотря на все их монашеские одеяния.

Ряд наблюдений позволяет сделать вывод, что память о смерти (*meditatio mortis*), которая является постоянным мотивом в более поздних источниках, и в раннюю эпоху играла ту же роль. В эти часы мысли о временности и мимолётности жизни делали абстрактные предметы прочих размышлений более близкими и понятными. Память о смерти глубоко укоренена в аскетической традиции — монахи должны постоянно думать о смерти, размышлять о дне смерти и думать о том моменте, когда они предстанут перед богом смерти. С трепетом должны были они представлять себе этот страшный день, который следовало всегда держать перед глазами.

Многое говорит в пользу того, что размышления были сопряжены с печалью и плачем, — такой обычай известен и в некоторых других религиях. По-видимому, сам Мани был знаком с этим обычаем и жил в подобной атмосфере; такой вывод можно сделать на основании цитат на персидском языке из его сочинений, которые были вставлены в сохранившийся текст на согдийском. В этих цитатах Мани предписывает молитву о своих грехах, которая должна сопровождаться плачем и печалью. Таким образом, мы можем считать, что зафиксированное в поздних источниках предписание молиться с плачем и печалью восходит к более ранним традициям. В среднеиранских текстах говорится, что монахи всегда должны трепетать, плакать и быть исполненными скорби. В коптских гомилиях присутствуют наставления о том, что надо быть печальным и плакать о друзьях своих и о тех, кто останется в теле. В китайских переводах сохранились некоторые гимны, в которых показана роль плача. На одном из свитков мы читаем следующее: «О, великий Святой, я —

агнец света; я проливал слёзы, я страдал, плакал и стонал». Есть и похожие фрагменты. Знакомясь с манихейской гимнографией, мы видим, насколько часто речь идёт о скорби и сколь важное место в монашеском благочестии занимали слёзы.

Насколько тесно монашеское движение было связано с плачем и скорбью, можно увидеть в одном пассаже, сохранившемся среди среднеиранских текстов; в нём говорится о плаче и о скорби как о важнейшем деле монахов. Все настоящие монахи уподобляются голубям с белыми перьями, которые стенают и сокрушаются, будучи исполненными скорби. Особенно важен ещё один факт. Говорится, что монахи стали столь привычны к скорби и слезам, что их стали и называть в соответствии с этим. Один из фрагментов, содержащийся в знаменитом сборнике гимнов, постоянно называет монахов «те, что печальны». На персидско-парфянском языке монахи описываются сходным образом — слово *āmustān* может обозначать и того, кто печален и предаётся плачу, и просто монаха.

Говоря о религиозных обязанностях монахов, нельзя не сказать об участии в богослужениях — известно, что они собирались для совместного богослужения. В то время как слушающие проводили службы по воскресеньям, монашеское богослужение совершалось в понедельник — он стал днём радости. В книге исповедей сохранились данные о некоторых культовых особенностях монашеского богослужения. Этот текст сообщает, что служба была простой и состояла из молитв, гимнов и проповеди. Наконец, совершалось исповедание грехов, в течение которого монахи также просили друг у друга прощения и сами прощали друг друга.

Следует учитывать и связь монашеского движения с книжной культурой. То, к чему Василий Великий призывал греческое монашество, уже было установлено Мани в качестве обязательной для исполнения традиции для его монахов — речь идёт об интересе к книгам и заботе о них. Книги сопровождали религиозные занятия и удовлетворяли интеллектуальные запросы, монахи должны были быть постоянными и неутомимыми читателями.

Те, чью жизнь теперь сопровождали книги, должны были и сами участвовать в распространении книг и письменной культуры. Определяющим для будущего стали указания Мани и его личный пример, в котором интерес к письменным памятникам всегда сочетался с аскетической жизнью. Ефрем Сирийский говорит, что, согласно свидетельствам учеников Мани, он украшал свитки, используя различные цвета: «Как он сказал: “Я записал их в книгах и украсил их цветными рисунками; слушающий их чтение сможет также увидеть их в изображениях, а тот, кто не сможет узнать из них [одно слово нечитаемо], узнает из рисунков”». То, что известно из вторичных источников по поводу большого значения, придаваемого Мани каллиграфии и украшению рукописей, в том числе миниатюрами, подтверждается его собственными словами в «Главах» (*Kephalaia*): он сообщает, что записал собственные сочинения с использованием каллиграфии и художественно украсил их. Таким образом, Мани выражает свою убежденность в том, что внутренняя ценность вещи становится более понятной, если привлечь внимание и к её внешним проявлениям. Кроме того, Мани призывает тех, к кому перейдет его наследие, тщательно переписывать рукописи, чтобы избежать ошибок.

Конечно, эти указания Мани относились в первую очередь к тем, кто был призван к сохранению его духовного наследия. Таким образом, всё монашеское движение получило обязанность заботиться о письменной культуре и способствовать её распространению.

Монахи много занимались переписыванием имеющихся рукописей и созданием новых — по-видимому, в этом они следовали примеру своего основателя. По сообщениям греческих и арабских авторов, манихейские манускрипты славилась красотой; фрагменты манихейских документов, открытые в наше время, полностью поддерживают этот факт, свидетельствуя о том, что увещания Мани не были тщетными. Однако наше желание узнать больше об этом направлении в жизни монахов, к сожалению, наталкивается на молчание источников. В этом отношении нам остаётся лишь снова обратиться к незаменимому в своих свидетельствах согдийскому тексту, который сообщает, что для монахов рвение и забота о создании и распространении письменных текстов имели особое значение. При этом небрежение к искусству письма считалось серьёзным прегрешением. То благочестивое почтение, с которым монахи предавались этому делу, можно представить себе благодаря исповедальному тексту, в котором некий монах испрашивает себе прощение за то, что он пренебрёг искусством письма, ненавидел и презирал его, а также повредил кисть и доску для письма (возможно, имеется в виду использовавшийся для письма кусок шёлка или бумаги). С учётом такого почтительного отношения к искусству письма и созданию рукописей мы вряд ли ошибёмся, если предположим, что своими выдающимися достижениями в книжной культуре манихейство обязано писателям и художникам в монашеских одеяниях.

4. Отношения между монахами и слушающими

Наконец, нам надо рассмотреть религиозное значение манихейского монашества и его роль в манихейских общинах.

В одном из своих писем сам Мани назвал «святой церковью» (*sancta ecclesia*) тех, кто исполняет вечные предписания. Другими словами, Мани строил общины, используя в качестве основания монахов, которые образовывали «внутренний круг». Та же мысль выражена в манихейских гомилиях — церковь непоколебима, пока избранные продолжают бороться. Для Мани церковь — это те, кто стал совершенным, находясь в рядах монашествующих.

Мани доверил избранным задачу ведения миссионерской деятельности и утверждения верующих в их вере. Только совершенные и духовные, только предавшие себя требованиям и задачам, установленным манихейским учением, могли быть духовной элитой движения. На все это монахов сподвигало указание самого Мани, содержащееся в одной из «Глав» (*Kephalaia*); в нём звучит призыв к монаху никогда не ослабевать в подобной деятельности.

Поскольку монахи пользовались колоссальным авторитетом, слушающие были обязаны безоговорочно уважать и почитать их. Все сохранившиеся на различных языках тексты требуют от слушающих, чтобы они всеми силами старались угодить монахам и стать столь же близкими для них, как если бы их связывали родственные узы. Слушающие связаны с монахами через любовь и через страх. Они должны уважать монахов, как своих господ и правителей, и бояться нарушить их распоряжения. Это означает, что Мани заимствовал из буддизма идею о

центральном положении монаха в религиозной жизни; при этом все остальные должны быть его служителями и обязаны быть полезными ему и делать ему добро.

Несомненно, отношения между монахами и простыми верующими были двусторонними. В текстах прямо сообщается, что монахи и миряне поддерживают друг друга, каждая сторона — по-своему: слушающие подают монахам милостыню, монахи, в свою очередь, подают слушающим небесные сокровища. Через это служение слушающие получали возможность прилепиться к ядру общины, то есть к избранным, и стать причастными к духовным дарам.

Один способ общения с монахами состоял в исповедании грехов. Поскольку право прощать грехи было прерогативой монахов, манихеям следовало исповедаться исключительно монахам. Верующие приходили на исповедь частным образом, преклоняли колени перед монахами и просили тех прикоснуться к ним руками. Таким образом они расставались с тем, что отягчало их сердца, и получали прощение грехов. Кроме этого, для исповедания грехов была предназначена и часть общего богослужения, даже если это было богослужение на великий праздник Бема, когда, как ожидалось, сам Мани сходит из рая и молится вместе с верующими. Один из согдийских текстов сохранил чинопоследование богослужения Бемы, предназначенного для слушающих. Порядок богослужения не вполне ясен, однако на основании входящих в текст гимнов на парфянском языке и славословий, обращённых к Мани, можно сделать вывод, что прославление Мани и его монахов входило в чинопоследование, а вслед за этим совершалось исповедание грехов. У нас нет подробных сведений о монашеском богослужении, однако можно

предположить, что они завершались точно так же (то есть исповедью), поскольку сам Мани предписывал монахам собираться в любое время для прощения грехов. В самом деле, фрагмент М 1 начинается словами: «сойдитесь вместе»; эти слова обращены к монахам (слушающие, по-видимому, лишь присутствовали при этом), которые облегчали свою совесть и получали прощение.

Слушающие также обращались к монахам для получения просимого в молитве. У тех, чей удел в жизни представлял собой служение религиозной истине и кто через самоотречение обрёл путь к миру знаний и опыта, простые миряне искали помощи в своих трудностях, считая их как бы высшими созданиями.

Среди манихеев важную роль также играло религиозное размышление. Души монахов беспрепятственно поднимались вместе с ангелами в область света и вечной славы, в то время как душа обычного слушающего, по несчастью, сталкивалась на этом пути со всевозможными препятствиями. Для мирян это было постоянным источником страха и трепета, так что для них всегда нужны были заступники перед Бессмертным Судией. Сохранилось описание трогательного момента — грешник простирается ниц перед монахом и просит его о помощи. Вероятно, сами монахи были источником страданий своих слушателей, когда делились с ними плодами своего воображения. Идея о том, что монахи могли выступать в роли ходатаев для слушающих — тех из них, которые почитали монахов и помогали им, — сыграла заметную роль в формировании ореола славы вокруг манихейских монахов. Это ожидание помощи побуждало слушающих взирать на монахов с благоговением как на своих заступников.

Община мирян устанавливала с теми, кто отрёкся от мира, тесные отношения и ожидала от них прощения грехов, получения просимого в молитвах и заступничества. Эти факторы определяли зависимость общин слушающих от монахов. В одном из гимнов имеется характерный пассаж, в котором говорится, что подобно тому как ногам, чтобы ходить, нужен глаз, а для рта, чтобы есть, нужна рука, так же и для простых людей нужны избранные, чтобы достичь духовного очищения и спасения.

Другая сторона этих отношений касалась жизни самих монахов. Основывая своё монашеское движение, Мани старался полностью изолировать его от всего мирского, представляющего опасность и нравственно вредного; для этого он сделал так, что само физическое существование монахов зависело от помощи слушающих.

Монахи должны были соблюдать осторожность, чтобы не повредить даже малейшему живому существу. Считалось прегрешением даже думать плохо о диких животных, птицах или пресмыкающихся. Вред, нанесённый любому животному или птице, был грехом против живущей в них души. Поскольку такой поступок приравнивался к греху человекоубийства, это должно было стать причиной многих скорбей для монахов.

Таким же было и отношение к растительности, которая представляла собой одну из пяти форм существования. По этой причине всякий испортивший дерево или сорвавший с него плод должен был претерпеть суровое наказание. Вырвать растение из земли было равносильно убийству. Для отцов Церкви осталось совершенно непонятно, каким образом обработка земли, которая считалась самым невинным видом деятельности,

стала рассматриваться манихейскими монахами как преступление, равное убийству.

Множество предписаний, обязательных для монахов, не ограничивалось лишь отношением к живым существам. Необходимо было учитывать и стихии — воздух, землю, ветер, чистый свет, воду и огонь. Запрещалось копать в саду или в поле и даже дотрагиваться весенним утром до почек или цветов на деревьях и кустах роз; нельзя было идти по земле, где что-нибудь росло, дабы не втоптать растение в грязь.

Все эти мелочные предосторожности очевидным образом делали невозможной любую работу. Манихейские монахи превзошли своих буддийских собратьев, которые полагали, что физический труд не имеет смысла и даже является препятствием в стремлении к высшей жизни, поскольку он отвлекает монахов от их аскетических обычаев и размышлений. Для манихеев работа и любой труд стали преступлением. Монаху запрещалось даже строить себе жилище, будь то самая простая хижина. Это дало повод Ефрему Сирину насмеяться над манихейскими монахами и называть их больными собаками, которые отказываются от любого вида работы.

Таким образом, для монахов отсутствовали возможности самообеспечения. Не говоря о добывании пищи, им нельзя было даже приготовить себе что-нибудь из тех продуктов, которые они получали, поскольку так они могли причинить вред частицам света. Кроме того, им запрещалось использование огня. Жаря или варя пищу, можно было только умножить свои прегрешения.

С учётом этих ограничений, для монахов оставалась единственная возможность (если, конечно, не считать голодной смерти) — использовать тех, кто, находясь на

более низкой ступени, мог принять на себя вину дополнительных прегрешений, чтобы помочь монахам. Поскольку монахи были беспомощными, им требовались помощники, особенно в тех местах, где манихеев было мало и куда они отправлялись как миссионеры, — в этом случае сопровождавшие монахов помощники были незаменимы. На основании сохранившихся свидетельств можно сделать вывод, что монахов и монахинь всегда сопровождали помощники, которые заботились о них, фактически исполняя роль слуг. Такими помощниками бывали и мальчики, как можно понять из (несомненно, несправедливых) упреков манихеев в педерастии.

Обязанность слушающих состояла, в первую очередь, в заботе о питании монахов. Эта забота была наградой за самоотречение и те лишения, которые монахи принимали на себя. Обязанности обеих сторон были, таким образом, разделены; общий принцип состоял в том, что монахи должны исполнять подобающее им, а слушающие — творить свою милостыню.

В отношении обсуждаемого вопроса Мани не довольствовался одними лишь наставлениями. Желая быть уверенным в том, что слушающие будут заботиться о монахах, он придумал достаточно неожиданную уловку, которая даже не вполне соответствовала всему его учению. Она заключалась в утверждении о том, что монах, по самой своей сути, физически участвует в процессе освобождения частиц света. Когда он ест, это не вредит частицам света; напротив, когда частицы света оказываются съеданы монахом, они освобождаются от той материи, в которую они заключены, и собираются в чистые тела монахов, где, будучи очищенными, они составят тело света.

С одной стороны, такое измышление вводило определённую непоследовательность. С другой стороны, оно обеспечивало заботу манихейских сообществ о монахах, поскольку подразумевались и наказания для тех, кто недостаточно усердно посвящал себя этому делу.

Об обязанности подавать милостыню Мани говорил со всей возможной решительностью, возлагая её на плечи слушающих в качестве тяжёлого бремени. Мы можем судить об этом на основании свидетельства Чуастуанифта, который в одном месте упоминает семь видов милостыни. В целом, во всех манихейских текстах, в которых говорится о слушающих, обсуждение их обязанностей ограничивается обязанностью милостыни.

Пренебрежение этой обязанностью вело к вечной каре. В Деяниях Архелая об этом говорится достаточно обстоятельно: согрешивших таким образом ожидают мучения в геенне и воплощение в низших существ. Дополнительные сведения об этом содержатся и в других источниках. Те, кто не предоставит пищи и ночлега для монаха, страдающего от голода и жажды, подлежат осуждению. Это обязательство было настолько безусловным, что даже последний кусок пищи считался принадлежащим монахам. В одном тексте, сохранившемся на турецком языке, говорится, что слушающие должны подавать милостыню монахам даже в том случае, если у них самих при этом ничего не останется и они умрут от голода.

Благодаря введённому Мани объяснению, согласно которому употребление монахами пищи ведёт к освобождению частиц света, монашеская трапеза стала восприниматься как нечто исключительное и была овеяна таинственностью. В Деяниях Архелая описывается, как монах получает пищу и ест её. Прежде вкушения хлеба

монах произносит молитву, в которой он просит у хлеба прощения, говоря, что не он собирал зерно, молот его и пёк хлеб в печи, — всё это сделал другой человек, который и принёс ему хлеб; он же посему может есть его, оставаясь невиновным. До последнего времени совершение подобного обряда перед едой было известно только из этого текста. Сейчас же нам доступны и свидетельства согдийских документов, которые добавляют к имеющейся картине дополнительные детали. В одном из них приводится рассуждение некоего монаха о том, как следует использовать приносимую милостыню. Подготовка к вкушению пищи приобретает вид почти мистического действия. Сначала монах обращает своё благодарное сердце к Богу и Будде. Из текста становится понятно, что перед его глазами при этом проходят определённые мифологические картины первобытной борьбы. Затем он думает о том, что он ест. Несмотря на прискорбную неясность текста, он вполне определённо свидетельствует о том, что приготовление пищи сопряжено с виной, в то время как монах, вкушая её, способствует освобождению скрытых в ней частиц света.